

УДК 94(495).01

ИОАНН ЛИД И ЕГО ТРАКТАТ «О МЕСЯЦАХ»
JOHN THE LYDIAN AND HIS WORK «ON MONTHS»

М.М. Синица, Н.Н. Болгов
M.M. Sinitsa, N.N. Bolgov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: sinitsam@mail.ru

Аннотация. В работе дается общий очерк содержания и характера сочинения «О месяцах» ранневизантийского писателя и государственного деятеля юстиниановского времени Иоанна Лида. Часть работы занимает перевод отрывка сочинения, посвященного дням (книга II). Интерес писателя к римским классическим древностям являлся проявлением ранневизантийского ученого энциклопедизма, восходящего к римской традиции Варрона, но трансформировавшейся в ранневизантийское время, сконцентрировавшись на ряде отдельных сюжетов и тем. Автор выделяет ряд аспектов в описании Лидом дней, устанавливая общую схему такого описания.

Resume. The paper gives a general outline of the content and the nature of works of early Byzantine writer and statesman John Justinian time Lida. Part of the work is translating the passage works dedicated days. Interest to the Roman writer of classical antiquity is a manifestation of early Byzantine scholar encyclopedic.

Ключевые слова: Иоанн Лид, Ранняя Византия, антикварная традиция, трактат, календарь, месяцы, праздники.

Key words: John the Lydian, Early Byzantium, antique tradition, a treatise, calendar, months, holidays.

«О месяцах»¹ - наиболее ранний трактат ранневизантийского чиновника, ученого и писателя-антиквара Иоанна Лида, посвященный древнеримской календарной системе, отражающий пифагорейско-неоплатоническую картину мира и космоса; он написан в начале 540-х годов². Само произведение исследователи считают весьма оригинальным по структуре и композиции³.

Уцелевшие материалы сочинения были разделены его издателями на четыре книги.

Книга I фрагментарная, в ней насчитывается 36 глав, она, возможно, имела дело с древнейшим италийским календарем и учреждениями царя Нумы.

Книга II, озаглавленная Περὶ Ἡμερῶν («О днях»), содержит всего 11 глав, она посвящена дням недели.

Книга III, озаглавленная Περὶ Μηνῶν («О месяцах»), состоит из 53 глав, она рассматривает месяцы в общем плане.

Книга IV является самой большой, она содержит 162 главы, будучи построена по типу фаств, она последовательно рассматривает все древнеримские месяцы, начиная с января (каждый месяц озаглавлен отдельно)⁴.

Книга II посвящена дням семидневной недели, вначале рассказывается о том, как понимался день у более древних народов: египтян, халдеев, евреев, умбров и афинян, а затем, как у римлян. Обсуждается каждый день недели, его имя, связь с планетой и нумерологическое значение каждого дня недели.

Несмотря на то что Лид изучает только языческие мифы и никогда не упоминает христианские темы и материалы (хотя он был христианин), он показывает зависимость от христианской системы в структуре книги, имея дело с семидневной неделей и начиная ее с воскресенья (дня

¹ Ioannes Lydus De Mensibus / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Vol. 20. Bonnae impensis ed. Weberi, 1837. P. 1-118.

² Maas M. John Lydus and the Roman Past. London, New York: Routledge, 1992. P. 8.

³ Ibid. P. 47-48.

⁴ Bandy A.C. Introduction // Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Ed. A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013. P. 20.

солнца)⁵. Семидневная неделя стала распространяться в империи с I–II вв., но она происходила не от иудейской недели, а уже под влиянием христианства⁶, которое взяло этот распорядок дней по семи планетам⁷.

Начало исследования с солнечного дня отражает христианское влияние и искусственность демонстрируемой им древней информации, но Иоанн Лид не предлагает никакой альтернативы семидневной неделе⁸.

Особо важное значение у Лида занимает число, которое выражает порядковый номер дня, – оно является самодостаточной сущностью, первичным принципом оформления всего существующего.

Главы второй книги содержат материал о происхождении дня и рассказывают, как было принято воспринимать день у различных народов, а также описание семи дней недели, плавно переходящие в сущностную характеристику чисел, их олицетворяющих.

В описании каждого из дней у Иоанна Лида можно выделить три аспекта: 1) естественно-научный, когда день соотносится с небесным телом, первый – с солнцем, второй – луной; 2) мифологический, тесно связанный с первым, каждый день соотносится с божеством, олицетворяющим небесное тело; 3) мистико-философский; на этом уровне автор пытается дать смысл числа, выражающего порядковый номер дня, этот уровень является наиболее подробным и интересным для понимания мировоззрения автора, показывающего свою заинтересованность в этих материях.

В тексте ощущаются влияния различных философских традиций, но это может стать темой отдельного исследования.

DE MENS. II О ДНЯХ⁹

1. Природный день от восходов солнца до закатов берется. Но не у всех так. Вавилоняне ведь от восходов солнца до их берут закаты, для ночи же совершенно памяти не делают, каковое не по сущности, но скорее со случайности произошло; египтяне от вечера прибывающий сосчитывают день до другого вечера, вследствие чего до всякого мироустройства тьма в основание полагается космографами, и ночь всего матерью называется. Отсюда сочинители мифов делают, что от Лето рождаются Артемида и Аполлон, и первая Артемида как если бы воздух разрезающая луна, после нее солнце. [Была же Лето {Λητώ} как если бы ночь: и ведь забвение {λήθη} в продолжении ее, а также и сон рождаются.] Впрочем, умбры же, народ италийский, от полудня до полудня день брали, [совершенно как астрологи касательно рождений.]

2. Все же тоны из движения планет происходят, согласовывается: Крон¹⁰ ведь по дорийскому, Зевс¹¹ же по фригийскому, Арес¹² же по лидийскому, а остальные по остальным двигаются согласно Пифагору, к отзвукам от звучащих: от Гермеса¹³ к -а- {α}, от Афродиты¹⁴ к -э- {ε}, от солнца же к -э- {η}, также от Крона к -и- {ι}, а от Ареса же к -о- {ο}, и от луны к -й- {υ}, однако от Дия звезда к -ω- {ω} тону совершается. Отзвук же тонов нас видимо не достигает по причине расстояния.

3. [Так как приверженные Зороастру и Гистаспу халдеи и египтяне от числа планет в седмицах дни воспринимали, то первый день – один, как и пифагорейцы, называют от монады, потому что одинокая и не имеет общения с другими:] первая ведь говорится или первенствующая над теми, которые с ней, единица {μονάς} же неделимая и неизменная и движущаяся сама собой и таким же самым образом направляющаяся: над числом ведь она есть. Так что никто ее не называл первой, но одной: ведь ни в равенство, ни в неравенство, и ни в какое другое число не переходит. [Справедливо, если бы самого ума могущество предержала бы, который именно есть и благо и превосходство, а также равно и окончание, и свет, и прямое, и постоянное, и мужское, и правое. Ум ведь есть (говорит мистическое слово) сущность, раз навсегда пребывающая в своей собственной сущности и сама с собой соединенная, и устроенная, и неподвижная. Возносится же единица к

⁵ Rordorf W. Sunday: The Fullness of Christian Liturgical Time // *Studia Liturgica*. 14. 1982. P. 90-96.

⁶ Rordorf W. Sunday. The History of the Day of Rest and Worship in the Earliest Centuries of the Christian Church. London and Philadelphia, 1968. P. 9-42; Colson F.H. The Week. An Essay on the Origin and Development of the Seven-Day Cycle. Cambridge, 1926. P. 18-61; Zerubavel E. The Seven Day Circle. The History and Meaning of the Week. Chicago, 1985. P. 5–26.

⁷ Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 54-56.

⁸ Maas M. John Lydus and the Roman... P. 49.

⁹ Перевод с древнегреческого М.М. Синицы под ред. Н.Н. Болгова по изд.: Ioannes Lydus. On the Month / Ed. A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.

¹⁰ Сатурн.

¹¹ Юпитер.

¹² Марс.

¹³ Меркурия.

¹⁴ Венеры.

Аполлону, то есть к одному солнцу, которое Аполлон называется вследствие того, что далеко находится от многих: и римляне его солем {σὸλεμ}¹⁵ или же «только одно»¹⁶ называют.]

4. Многими названиями зовется солнце.
Гелиос, Горос, Осирис, государь, Дия сын, Аполлон,
сезонов и времен управитель, и ветров и дождей,
утра и ночи многозвездный вожжей направитель¹⁷.

5. Пифагор единицу [назвал] Гиперионидой вследствие того, что всех превосходит сущностью, совершенно как и умопостигаемое солнце, над существующим имеющее быть, Гиперионидом¹⁸ названное. Возносится же солнце к монаде как образ вышеназванной, само не являющееся монадой. Но подлинно неутомимая: изнурение ведь в сложном, а единица же простая. И мужская, так как очевидно наиболее способная к жизни и всех после нее причина. [Различается же единица от одного как первообраз от подобия и примера подражания.] И каким образом, понять легко: если ведь кто-либо четыре и двадцать¹⁹ элементов (о буквах говорю) в числах сосчитает, найдет три тысячи девятьсот девяносто девять²⁰ всего, к которым при прибавлении шести тысяч единиц всего будет сосчитано девять тысяч девятьсот девяносто девять чисел, после которых ничего кроме единицы не осталось. Откуда тот же самый удерживает знак мириада²¹ единицы, как начало ее и вместе с тем конец существующий бестелесных сущностей, каковых примеры есть числа. Орфей же число один безчленным {ἄυτιέα} называет, то есть неделимый: никаких ведь частей числа около него, ни полтора, ни одна целая одна треть, - совершенное, так как целое. Отличается же единица от одного как отличается первообраз от подобия: образец ведь – монада, подражание же монаде – один. Такое же самое об одной, которая, как я сказал, первая множеству зовется, которая в ощущении на солнце наложена, управителя всякого чувственного света, через который и нагревает и вместе с тем медленно иссушивает тела, – одна из планет согласно элинам, пусть даже если Зороастр его близко неподвижных звезд ставил.

6. Второй же день луне являют сочинители естественнонаучных работ, и увлажняющей и вместе с тем умеренно греющей, то есть материи начальнице. Отсюда и Артемида {Ἄρτεμις} называется, от четного {ἄρτιου} и материального числа: [ведь четное число по середине себя разрывается, разделяясь на один - единственное же неделимое нечетное число. Ведь мужское число – квадрат, сияние и солнечный свет, на основании равенства сторон соединяющееся, женское же – продолговатый четырехугольник, ночью и тьмой владеет по причине неравенства. Продолговатый же меньшую сторону имеет меньше одного, а большую – больше одного. Так что два – число не чистое, прежде всего, так как пустое есть и не наполненное – не наполненное же не чисто. Начало же беспредельности и неравенства, беспредельность же - по причине материи, а неравенство – по причине продолговатости. Отсюда древние как материю и разногласие двойку {δύοδα} передают. И смелость же] те, кто около Ферекида назвали дуадой, [как порыв, так и мнение называют, так как истинное и ложное в мнении есть.] Всепереходящая ведь материя и непостоянная и многоизменчивая, и страдающая, и труды переносящая, в соответствии с природой делимость и различие имеющая: ось ведь срединная, через все небо проходящая, первая на два разделение и от одного расстояние показывается, виновная же во всяком чувственном движении, и от всего из умопостигаемого отделенная. Это таким образом имеющееся находящийся римлянам Нума числу два отдал в праздниках – нисколько ведь не считают римляне, совершенно как «до четвертых» и «третьих», так и «до вторых» не говорящие, как и афиняне, прежде второе вынудившие из Боэдромиона, как Плутарх в «Симпозиуме» говорит.

7. [Третий же день посвящался Огненному {Πυρόεντι} (Арес же был бы он у элинов), то есть воздушному и способному к рождению огню, который именно соединяет всех чувств природу и бездействовать не позволяя, сушащий и вместе с тем с шумом нагревающий. Гера же на ребенка говорила Ареа {Ἄρεα}, то есть из воздушного {ἀερόδους} прозрачный и тонкий по составу огонь: отсюда сочинители мифов связывают Афродиту иногда с Гефестом – земным огнем, - иногда же с

¹⁵ solem, acc. sing. om sol – (лат.) солнце.

¹⁶ solus – (лат.) один, одинокий, один лишь, один-единственный.

¹⁷ В основном тексте дан дословный перевод. См. ритмизованный:

Много названий, которыми солнце зовется:

Гелий, и Гор, и Осирис, владыка, сын Дия, еще – Аполлоном,

года сезонов, времен, и ветров, и дождей управитель,

утр и ночей колесниц многозвездный возница он также.

¹⁸ Сын Гипериона, Гелиос, бог солнца.

¹⁹ Двадцать четыре (24).

²⁰ Так как в древнегреческом языке буквы алфавита соответствуют цифрам следующим образом: α=1, β=2, γ=3, δ=4, ε=5, ζ=7, η=8, θ=9, ι=10, κ=20, λ=30, μ=40, ν=50, ξ=60, ο=70, π=80, ρ=100, σ=200, τ=300, υ=400, φ=500, χ=600, ψ=700, ω=800, - то сумма всех букв будет представлена в таком виде: 1+2+3+4+5+7+8+9+10+20+30+40+50+60+70+80+100+200+300+400+500+600+700+800=3999.

²¹ Десять тысяч (10000).

Аресом – воздушным: через это ведь всякое чувство животворится, как говорится. Величайшее же тройки {τρίδος} и согласно чувству могущество: ведь в соответствие с ней число родителям придало рождением увеличение потомства. И не просто говорится: «на три же все разделено», так как три существует и самих небесных тела, как воздушное и звездное, так и каменное, и нечетных чисел начало – тройка, откуда и собственно число три {τρία} называется, деление или расчленение не допуская: так как все начинается числа тройка, как начало, случившееся нечетных всех, наполненных и никогда не прекращающихся. И три первые согласно Орфею возникли начала, ночь, и земля, и небо. Богов же по происхождению три рода: небесные, земные и между ними находящиеся. Три же и души самых главных свойства: разумное, отважное, желающее. Три же и ума образа Аристотель передает: материальный, касающийся телесных и душевных свойств, находящийся извне; от них и три идеи: природа, познание, упражнение. И ее самой же все из двигающихся музык согласно Теофрасту делятся на три: печаль, радость, божественное вдохновение. Однако и тела три движения: тяжесть, местопребывание, хождение. Три же и сфер состояния: центр, диаметр, окружность. Три же и звезд движения: ход вперед, ход назад, неподвижность. Три же тел вида: есть ведь как материальные, так воздушные, и огненные же, как халдеи передают. Три же каждого движения формы: ширина, глубина, длина. Три же зодиаков ширину ограничивают круга: летний тропический, зимний тропический, равноденственный. Три же и надземных центра: восход, закат, середина неба. И весь космос из трех значений составлен, говорится: арифметическое, геометрическое, гармоническое. И многое кто-либо мог бы сказать о касающихся чувств триадах. Ведь умопостигаемое превзошло пределы настоящего исследования. Знаем ведь, потому что тройка продвижение божественного двигателя и неподвижность, этим вечность заключая в своем облике, как говорит пифагореец Оккел следующими речами: «Тройка первая составила начало, середину и конец». Ведь нечетное и оконченное равенство демиург есть согласно четырехугольника природе: ведь божественное тремя такими свойствами отличается: желаемостью, достаточностью, совершенством, еще действительно в «Федре» Сократ, однако конечно и в «Политии» передает, что умопостигаемого третья некая природа в божественном помещается: есть ведь его как наивысшая сущность, так и средоточие жизни, и крайний разум же. Но справедливо спросил бы кто-нибудь: «какая связь чувств по отношению к умопостигаемой триаде?» Должно знать, однако, что три тройки «Тимей» передает и свидетель Прокл в «Кратком очерке философии Платона», говорящий, что умопостигаемого вершина – тройка, сущая умопостигаемая, и монада есть: единица {ένς} ведь становиться может в себе самой, всех сил причину имеющая и сущность, как говорит Парменид. Все же умопостигаемое в тройке заключается, и всякое божественное число в расположении таком продвигалось, как и сам халдей в словах:

«в лоне ведь этой триады все вместе возникло»,

и опять:

«из этой триады отец все дыхание ведь замешал же», -

поэтому пифагорейцы триаду в числах, а в формах же - прямоугольный треугольник полагают, элемент происхождения целого. Одно – итак мера длины есть, по которой существовал бестелесный и умопостигаемый космос; второе же – мера длины, по которой вводилось воспринимаемое небо; пятой доставшееся по жребию также более божественной сущности - неподвижность и неизменяемость; третье же – по которой созданное под луной от четырех сил происхождение и гибель принимает.]

8. [Четвертый же день – Стильбонту, одной из планет, согласно египтянам так называемой, приписан, которая равно то увлажняет, то высушивает, превращаемая в ветер вокруг солнца стремительным движением: чтобы Гермесом же она была, эллины предпочитают. С ней, итак, четверку {тетраδα} занимающиеся философией соотнесли, как наблюдающую за смешанными душами: ведь у души подпоры четыре есть: ум, знание, мнение, чувство. Душа человека, говорит Пифагор, есть прямоугольный четырехугольник. А Архит же душе определение не в четырехугольнике, а в круге предоставляет: «Поэтому душа – самодвижущаяся, необходимостью сперва подвинутая, круг же это или шар». И таким образом в умопостигаемом. Ничего же не меньше и в чувственном есть, что понималось в жизни рождениях: первое есть семян вбрасывание, второе же – в роде постоянство, третье – увеличение, и четвертое – завершение. Однако и четыре солнца поворота, по которым сохраняет существование: равноденствия два, летний и зимний поворот; четыре же и самой луны первые фазы, совершенно как корни и начала: новолуние {οὐνοδος}, полнолуние, части луны-рога две; каждая из фаз переменяет деятельность: от новолуния до рога луны – увлажняет, от него же до полнолуния – нагревает, а от него до второго же рога луны – высушивает, а с него же до следующего новолуния охлаждает. Оттуда, полагаю, тем, кто земледелием занимается, безопасно сеять и сажать около новолуния, нежели полнолуния, каковое очевидно в более влажном в то время воздухе, также к рождению другого подвигающем; около рогов луны же и лес, каковой удобен к возделыванию, рубят, и плоды для сберегания собирают, каковое очевидно в более сухую пору. И такое в чувствах и постигаемом умом. А относительно числа же ценности, четыре – число квадратное есть: единственное ведь равно самим на себя помноженным равным частям, из кото-

рых и сложением, и силой умножения возникло, сложением – из двух и двух, а силой же – из дважды двух, что всепрекрасную наружность симфонии обнаруживает, что ни с каким из других чисел не случилось. Откуда и завершающим называется: ведь если от единицы до четверки по порядку были бы сложены числа – десятку {δεκάδα} совершают²².

9. [А пятый же - Фаэтон, из всех планет наиболее умеренному. Как о Дие жизнерождателем, эллины учат об этом боге: отсюда, и что на Крите родился он, в мифах желают, на котором смертоносное ничто не рождается, ни волк даже или сова не находится, как говорит Антигон. И небесное же зовется соответственно в пентаде {πεντάδα} циклоносной сущностью, из которой, говорится, было сделано небо, согласно Аристотелю. Ведь пятерка, перенимающая у четверки разумное основание, имеющее образ некоторой материи и предстоящий тому, что из нее происходит, - и умножила ее и от умножения произвела к ней вечное круговращение²³: промежуточная ведь до декады и как бы изображение есть общего совершенства пятерка. И блуждающих же планет, кроме солнца и луны пять, и кругов в сфере пять, и поясов пять. А чувств же создатель – Зевс, говорится у философов, и естественно было на него пентаду, совершенно как в соответствии с природой, возлагать: родственна ведь пятерка чувству, какое именно на пять частей разрезывается. И благодаря этому Пифагор, что определенность судьбы числу пять приписана, говорит, так как над чувствами начальствует определенности судьбы слово. Поэтому, что души возвращающиеся восходят определенностью судьбы, говорит оракул: «Ведь не под роковую толпу падают теурги»].

10. [Шестой же приписан Фосфору, нагревающему и вместе с тем плодородно увлажняющему: он же был бы сын Афродиты, и он Геспер, как эллинами полагается. Афродитой же кто-либо бы назвал всякого чувства природу, то есть первородную материю, которую и Астерия и Урания зовут оракулы. Ведь шесть – число наиболее производящее есть как четно-нечетное, соучастующее и энергийной сущности согласно с нечетностью, и материальной согласно с четностью. Оттуда древние браком и гармонией его называли: ведь от монады есть только одно в своих собственных частях совершенно, составленное из них, из половины - тройки, из трети же – двойки, из шестой же – единицы²⁴. И просто сказать, что и мужское и женское есть происхождение, как и сама Афродита, мужскую и женскую имеющая природу, и поэтому у теологов мужско-женская называемая. И другие говорят: «шесть – число душеродное есть, от шестерки {εξάδος} равной сфере всего, и противоположное же смешивает, к единомыслию и дружбе ведет, а затем здоровье внушает телам, созвучие же в лире и музыке, доблесть в душе, а в городе процветание, и обо всем – промысел. Оттуда и Орфей о шестерке такое говорит:

«Будь милостиво, славное число, отец блаженных, отец мужей!»]

11. Седьмой день египтяне и халдеи посвящают Файнонту, так согласно им называемой звезде, всего высочайшей, охлаждающей сверху и высушивающей ближе. Кроном же его у эллинов обычай называть согласно божественному учению, каковое – пресытившийся ум {διακορῆ νοῦν}, согласно этимологии как если бы наполненный и пресыщенный годами, вместо «долголетний». Однако пифагорейцы вождем всего семерку {εβδομήνη} считали, то есть единицей, – и свидетель Орфей, говорящий так:

«Семерка, кого возлюбил царь-дальновержец Аполлон».

Аполлоном {Απόλλωνα} же мистически единицу называли, как мы определили, вследствие того, что выше была многого {πολλῶν}, то есть единственной. Справедливо, итак, не имеющим матери число семь Филолай прозвал - единственное ведь и не для того чтобы рождать и не рождаться произошло. Оно же и не рождающее, и не рожденное - неподвижное – в движении ведь рождение, так как и рождающее, и рожденное не без движения есть: как для процесса рождения, так и для процесса появления на свет, - как и сам ритор Тарантин говорит таким образом же: «Есть ведь вождь и начало всего, один вечно сущий бог, постоянный, неподвижный, он сам себе подобен». Математики же, к более мифическому склоняющиеся, к Крону седьмой день обращают, как если бы отцу видимых богов: так как ведь всех блуждающих планет возвышеннее у них Крона называется звезда, которому, разумеется, седьмой день посвящен, как наивысший всего. Поэтому семерка {εβδομάς}, составленная из одного и двух и четырех²⁵, имеющая два наиболее гармоничных числа: как утроенное, так и учетверенное.] Имеет же и разделение связка, каким-либо образом составленное: разделяется ведь сначала на единицу и шестерку, затем на пятерку и двойку, и наконец на тройку и четверку – наиболее музыкальное этих чисел соотношение. Простирается же ее природа и на всю до единого видимую сущность, небо и землю. Например, конечно, говорят, что небо опоясано семью кругами; чьи названия такие же: арктический, антарктический, летний, зимний, равноденственный, зодиакальный, и кроме того, млечный путь. Ведь таковое число божественное

²² 1+2+3+4=10.

²³ При умножении на 5 в конце получившегося числа либо 0, либо 5.

²⁴ 6 – единственно после 1 совершенное число, так как равно сумме своих делителей: 3=6/2, 2=6/3, 1=6/6 => 3+2+1=6.

²⁵ 1+2+4=7.

есть. Оттуда и по начальническому слову наша душа на семь частей раскалывается: как на пять чувств, так и на речевой орган, а также орган ко всякому деторождению способный. И все это же в семи рассматривается: в осязаемом теле, в расстоянии, в форме, в величине, в цвете, в движении, в неподвижности, - и против этого ничто другое не согласовывается наблюдающими. Ведь чувства твердые кубические тела превосходят, твердые кубические тела же – плоские тела, плоские тела же – стороны, стороны же – линии, линии же – точки, а точки же – числа, они же очевидно и для тел случаются. Семь же и звуков перемен: острый, тяжелый, облеченный, созвучный, слабый, а также долгий и краткий. Оттуда и на седьмом месяце плод совершенно сформировавшийся произошел, как Гиппократ говорит: ведь числа душеподатная совершенная сила на седьмом месяце проявляется, потому что совершенный круг времени и числом совершенным и мировым, наиболее душеподатным и наиболее душеподатным окружается; и ведь душу Тимей из семи чисел составил. И движений же всех только семь есть: и или вверх, или вниз, или вправо, или влево, или вперед, или назад, или по кругу. Из букв же звучащих - семь, после того как и от самих себя казались звучащими, так и другими составленными, звук связный образующая: из полужвуков ведь, восполняя недостаток, целые звуки приготавливаются, немых же природа и переворачивается и изменяется, чтобы сделать из непроизносимого произносимое. И что бы мы сказали, когда б и природа вод вне силы семерки не оставалась бы? Итак, Дионисий в «Основаниях» говорит, что халкидский Пролив {Еὐρίλον} семь раз по дням поворачивается, в согласии только с гебдомадами устанавливаясь. И из этого же умопостигаемой вечности есть возможность увидеть паруса - собираются ведь они сперва из часов, затем из дней, затем из гебдомад, после того из месяцев, потом из годов, отсюда из времен, и наконец из веков к первообразной идее умопостигаемого и отца-родителя вечности.